

An aerial photograph of the Eiffel Tower in Paris, France, taken during the 'golden hour' of sunset. The tower is the central focus, with its intricate iron lattice structure clearly visible. Below the tower, the Champ de Mars park is visible, featuring a green lawn and paths. The background is filled with the dense urban landscape of Paris, including various buildings and the distant skyline. The sky is a mix of deep blue and vibrant orange from the setting sun, with scattered clouds catching the light. A semi-transparent orange rectangle is overlaid on the upper left portion of the image, containing the author's name and the title.

Алэн Акоб

Парижский натюрморт

16+

АЛЭН АКОБ

Парижский натюрморт

«Автор»

2017

Акоб А.

Парижский натюрморт / А. Акоб — «Автор», 2017

История любви молодого эмигранта к загадочной девушке, оказавшейся в составе криминальной организации.

© Акоб А., 2017

© Автор, 2017

Алэн Акоб

Парижский натюрморт

– Спасите! Спасите! Помогите! – доносилось из бутика. Двое полицейских, случайно оказавшихся в самом конце улицы, держа руки на кобуре с оружием бросились бежать в сторону откуда доносились крики о помощи. На полу, неестественно выкинув одну ногу вперед, сидел пожилой ювелир с пистолетом в руке, из его плеча, просачиваясь сквозь рубашку, растекаясь алым пятном, текла кровь, он был бледен, слаб и тяжело дышал, рядом на коленях жена пыталась наложить что-то наподобие жгута из первой попавшейся под руку тряпки, пытаясь остановить кровотечение. В конце улицы, завывала протяжно сирена, молодой жандарм по рации сообщал цвет, вид и направление скрывающейся машины.

Почти каждый раз, когда я мысленно возвращаюсь в то незабываемое для меня время, когда волею судьбы наша встреча оказалась неизбежной, мне все-таки кажется, что все, что происходит в нашей жизни, совсем не случайно, и скажу вам даже больше, есть какая-то закономерность во всем этом. Если где-то по дороге домой огромное дерево с размытыми от проливного дождя корнями упало вам на капот машины, а не на кузов, и вы остались живы, без сомнения, вам крупно повезло, но это абсолютно не значит, что выехали бы вы на три минуты позже или раньше, с вами ничего бы не произошло где-нибудь в другом месте. Все, что с нами случается, я бы не говорил, только к лучшему, а тем более к худшему, но что должно с нами приключиться, обязательно произойдет, хотим ли мы этого или нет.

Вообразите себе такую картину: волею судьбы вы живете в самом красивом городе мира, где любовь и романтика, изящество и роскошь, восторг и восхищение, живут бок о бок, а вы одиноки, безразличны к происходящему вокруг не потому, что у вас скверный характер или вы человеконенавистник, а поскольку в силу обстоятельств судьбе было угодно распорядиться не иначе, как закинув вас именно сюда. Представьте себе, что вас пригласили на праздник, а вы сидите с грустным лицом и не радуетесь, когда всё вокруг пирует и поет, отталкивая своим угрюмым видом еще больше от себя людей. Да, вы чужой на этом празднике, он не для вас...

Рыжее парижское солнце, томно проснувшись на пушистой перине облаков, сонно потянулось косыми лучами и тут же лениво свернулось калачиком, укрывшись одеялом белой тучки. Но не тут-то было. Подул северный ветер с Нормандии, быстро разогнал облака, оголив и окончательно разбудив бесстыжее светило, которое тут же, как избалованная шалунья, стало заигрывать с первыми прохожими, укутанными в зимние шарфы, слепило незадачливых автомобилистов, разбудило стайку одуревших от холодов птиц. Буквально через пару минут ближайший скверик стал неузнаваем, он наполнился таким шумом и галдежом от воркующих голубей, синиц и галок, что казалось, этому баловству не будет конца. Ранняя весна. Городские деревья, еще недавно торчащие голыми ветками вверх, начали постепенно покрываться ярко-зелеными листьями. Молодые побеги, которые за короткую весну превратятся в крепкие ветви, создавая пышную крону, тем самым вписывая последние штрихи в палитру городского пейзажа. Париж – это город бутиков и кафетерий. Они здесь на каждом шагу. Где-то между ними приютились булочные и цветочные магазины, распространяя свои тонкие ароматы вкусного и приятного, хлеба и жасминов, не оставляя равнодушными гурманов и влюбленных эстетов, готовых выложить последние деньги за затейливый букет, благоухающий немислимыми ароматами цветов, со вкусом подобранных молодой флористкой.

Сегодня утром и так каждый день старина Фред открывает свои зеленые ящики на набережной Сены, полные разных старых зачитанных книг, при этом не забывая выпить свой черный кофе, макая в него еще теплый круассан.

Тетушка Клодэт с третьего этажа, что живет в доме напротив, как всегда в это время, выгуливает своего померанского шпица, с лукавой мордой похожей на лису.

– Здравствуй, Фредерик, как торговля? – ради приличия интересуется она. Шпиц весело глядит на них, помахивая пушистым хвостом, в надежде на остатки круассана.

– Добрый день, мадам. Если бы не мой утренний кофе, я бы и не открылся сегодня.

– Да, кофе здесь замечательный, – соглашается она, кивая головой в сторону булочной, – я сама иногда спускаюсь к ним выпить чашку-другую, хотя у меня дома есть все: и хороший кофе, и новый кофейник.

– Тут есть какая-то тайна, я думаю! – отвечает Фред, улыбаясь.

– Да. Как хорошая книга, которая не выдает свои секреты сразу, заставляя ее читать до конца.

– Или как хорошая женщина, всегда загадка и непонятная, – со смехом добавляет он, наконец откусывая размокший до безобразия круассан.

Своеобразная и неповторимая архитектура Прекрасной эпохи, выросшая на развалинах прошлой истории города, с домами, под которыми руины языческих храмов, с огромными бульварами, лабиринтами сточных вод, каждая улица, переулок скрывают в себе нераскрытые тайны прошлой эпохи. Нынешний облик города во многом обязан барону Осману, благодаря которому фасады домов из обтесанного камня придали парижским улицам оттенок изысканности и шарма, делающий вечный город любви знаменитым на весь мир.

В голове назойливо вертелась мелодия Азнавура «J'aime Paris au mois de mai», стояла весна, во всей своей ранней красоте и прелести.

До этого всю неделю назло всем лил дождь как из ведра. Для Парижа это очень грустная пора, город становится неузнаваемым – серым, унылым. Люди прячутся по домам, уткнувшись в свои телевизоры, либо спешат в кафешки, укрывшись под зонтами, перепрыгивая через пузырящиеся лужи, где их ждет горячий chocolat и временный уют.

По утрам воздух был еще свеж и отдавал сыростью, но, к счастью, очень быстро прогревался к полудню на радость озабоченным повседневной работой в своих бюро беспечным парижанкам. Весна в Париже – это голые плечи, легкая одежда, почти не скрывающая прекрасные девичьи формы от похотливых взглядов проходящих мимо мужчин, которые быстро растворялись в толпе неунывающих прохожих.

На скамейке под старым платаном сидел маленький старичок. То ли года его сделали маленьким, то ли нелёгкая жизнь. Он внимательно наблюдал за танцем нахохлившегося городского голубя вокруг равнодушной самки. Урча, кружась и воркуя, голубь подавал страстные знаки искренней любви, которые должны были вдребезги разбить самое кокетливое голубиное сердце в мире. Но это была парижская голубка, повидавшая не одного кавалера на своем коротком веку, поэтому, бросив безразличный взгляд в сторону незадачливого ухажера, она неожиданно вспорхнула и улетела, хлопая крыльями, в сторону Люксорского обелиска. Эта маленькая трагикомедия невероятно оживила старичка, он сделал недоуменную физиономию и сочным голосом, разводя руками в стороны, что было странно для его художавой комплекции, вдруг строго спросил:

– Ну что, дружище, улетела от тебя твоя дама, эх ты, вот так вот, не умеешь ты ухаживать.

Голубь, наклонив голову набок, внимательно слушал, но потом, то ли поняв, что старик переходит все рамки приличия, то ли вспомнив что-то неотложное из своих голубиных дел, так же резко вспорхнул и улетел. Внезапно рядом с парком, скрипя тормозами на всю улицу, остановился огромный автобус, украшенный всевозможными рекламами, перевозивший туристов. Из бесшумно открывшихся дверей начали потихоньку выходить китайские туристы-путешественники в медицинских масках на лицах. Неизбежный атрибут в азиатских странах из-за периодических вспышек гриппа, вызывающий любопытство и удивление у европейцев, не привыкших к массовым эпидемиям у себя. Но это было в те времена, теперь почти былинные, когда европейцы сами не столкнулись с Пандемией COVID-19. Туристы разбиваясь на маленькие кучки, разминая затекшие члены тела, громко шутили, смеялись на скрипучем языке о

чем-то своим... Последним вышел гид, дав последние указания водителю, он обратился к собравшимся и стал монотонно рассказывать про Елисейские поля и Обелиск. Подняв вверх нераскрывшийся зонтик, он попросил следовать за ним незадачливых туристов. В последнее время, придя на смену арабам, русским и американцам, китайцы заняли довольно прочное место во французском туризме.

Где-то в середине этого чудного дня вдруг стало очень душно, солнце принялось покусывать кожу рук и лица, казалось даже, что оно засветило еще ярче, отдавая голубоватым оттенком красного. Со стороны Concorde поплыли тяжелые тучи, налитые свинцовой влагой. Видно, кто-то страшно позавидовал этому дневному благополучию и наслал проливной ливень на головы бедных парижан в виде весеннего дождя, который не заставил себя долго ждать и пошел со страшной силой. Крупные капли падали, разбиваясь об асфальт вдребезги, образуя между собой маленькие островки воды, которые, соединяясь, сливались в огромные лужи, полные лопающихся пузырей. Я вскочил со скамейки, не успев ее еще как надо согреть своим телом, и бросился бежать под крону огромного платана, чтобы укрыться от дождя. Прислонившись костлявым плечом к стволу, там уже стоял старик. Посмотрев на меня оценивающим взглядом своих блеклых глаз, он выдал из себя какое-то бормотание, похожее на приветствие. Я поздоровался.

– Это хорошо, что дождь, воздух очистится, дышать будет легче. В знак согласия я вяло кивнул головой, не желая завязывать разговор

– Вы проездом в Париже, турист?

– Нет, я живу в банлье!

– А-а-а! – многозначительно протянул старик. – Раньше было все не так, не так, как сейчас, – без всякой причины заявил он с нотками такой тональности, чтобы собеседнику не захотелось возражать.

– Что не так? – все-таки спросил я его. – Например?

– У вас легкий акцент, – разглядывая мои командирские часы на руке, – вы из Восточной Европы!

– Да, оттуда, и все же что не так? – настаивал я.

– Все не так, – с заносчивым видом отпарировал старик. Громко высморкавшись в цветастый платок, продолжил:

– Люди, вечно спешащие куда-то, машины, снующие кто куда, все эти магазины-бутики, торгующие товарами за баснословные деньги, за пару туфель здесь могут выложить месячную зарплату служащего, а ведь есть такие, которые покупают, – аккуратно складывая вдвое и пряча платок к карман. Бегло взглянув на меня, как бы невзначай, он вдруг спросил: – Не были бы вы так любезны подать старому человеку что-нибудь в помощь, на пропитание...

Только тут я обратил внимание на то, как он был одет. Воротничок белой сорочки давно несвеж и начинал отдавать желтизной, туфли с потрескавшейся от времени кожей по бокам были надеты на босу ногу, старый костюм обветшалый, но чистый, хоть и немного засаленный на рукавах. Длинное плохо выбритое лицо, лоснилось старческим румянцем, именно тот возраст, когда здоровье еще есть, но, видно, ненадолго. Седые волосы, выбивающиеся из-под старой кепки желтоватыми локонами, при помощи резинки были собраны в конский хвост на затылке, напоминая пирата с потонувшего корабля. Два широко раскрытых серых глаза, не моргая, смотрели на меня в упор с лукавством.

Вытащив из глубины кармана два евро, я протянул их старику со словами:

– Вот все, что могу дать, дед, в лучшие времена было бы больше, – с нескрываемым сарказмом.

– И я о том же, раньше все было не так, как сейчас, – пробормотал дед, быстро пряча монету в карман. Меня несколько смутило, с какой скоростью его худощавая рука с длинными пальцами пианиста проделала этот жест, но я не придал тогда этому особого значения.

Дождь начинал прекращаться, крупные капли сменились на водяную пыль, перестав барабанить по всему, что попало, яркая радуга взошла над Парижем и придала этому старому городу ту необыкновенную гамму цветов, от которых даже серые крыши его домов стали принимать особенный, заколдованный оттенок показного величия. Оставив старика стоять под деревом, который к этому времени потерял всякий интерес ко мне и что-то искал в карманах, я двинулся вверх по Елисейским полям к Триумфальной арке, аккуратно обходя свинец застывших луж, вдыхая полной грудью освежившийся после дождя свежий воздух. Мне навстречу шли бледные после долгой и холодной зимы парижане, которые уже начали покидать свои удобные диваны в плохо отапливаемых домах, чтобы точно как я, пройтись по прекраснейшей авеню мира, поразмяться, подышать озоном. Я прохожу мимо дорогих витрин, полных шика и блеска, слева от меня припаркованы дорогие лимузины, блестящие черными, как смоль, боками, впереди Триумфальная арка, украшенная со всех сторон победоносными сценами великого Наполеона. Интересно, размышляю я, если живёшь в Париже, имеешь право себя считать парижанином? Невесть откуда-то шальная мысль. Наверное, все-таки нет, это особая порода людей, отличающаяся от других французов не только своим жизненным укладом, манерой разговаривать но и по-особенному держаться среди других.

Восемь лет, возраст небольшой, когда неожиданно для всех ушла мать в мир иной. Ее тихий уход остался незаметным для многих, она умерла при родах от потери крови, далеко от дома, в городской больнице. Так же тихо ее и похоронили на деревенском кладбище – он, отец и несколько соседей, постояв немного у земляного холмика, сказав слова скорби пожав им руки, они ушли, оставив позади себя их одних со своим горем. Они остались у могилы вдвоем, он и отец, сгорбленный горем, сразу постаревший, небритый. Приторно пахло свежей землей и дымом от благовоний. Слезы не шли, только память о ней, ставшей вмиг такой далекой, колом подкатывалась к горлу.

– Пошли, сын, – положив сухую руку ему на плечо, промолвил чужим голосом отец. Молча они пошли назад в деревню, спотыкаясь о камни на разбитой дороге, к соседям, которые согласились тем временем поддержать маленького брата. В белой простыне на железной кровати трепыхался маленький комочек, забавно размахивая ногами и руками в разные стороны. У него были большие серые глаза, как у матери, которые с удивлением смотрели на окружающий мир. В тот день отец сел рядом с ним на стул и молча зарыдал, закрыв лицо ладонью, лишь только сутулые плечи ходили нервной дрожью под потертым пиджаком.

Память о матери вспоминалась ему в ее добрых серых глазах и русых пахнущих лавандой волосах, которые она полоскала настоем каждый раз после бани. Впервые ему стало не хватать ее голоса, теплоты ее тела и ласки белых рук. Потом отец запил, тупо и угрюмо, сутками лежа на диване, вставал только за новой порцией дешевого алкоголя, отдававшего подозрительной голубизной, который гнал сосед напротив, и снова ложился смотреть в потолок в одну и ту же точку. Выйти ему из этого состояния помог случай. У соседа, что продавал ему самогон, испортилась утром машина, мотор чихал, глох и не заводился, несмотря на все усилия. За спиной склонившегося горе-автомобилиста внезапно выросла неизвестно откуда появившаяся фигура отца.

– Отойди, дай посмотреть, – властно сказал он. Опешивший от неожиданности сосед покорно отошел и с недоверием стал смотреть, как отец копается в моторе.

– Попробуй завести. Послушно севший за руль сосед с полуоборота ключа завел машину и радостно побежал за самогоном, возвратившись с огромной бутылкой сивухи.

– Не надо, – отстранив рукой бутылку, сказал отец, – лучше денег дай.

В тот же день он первый раз возвратился на могилу матери. Еле нашел поросшую травой и бурьяном. Убрал ее, почистил земляной холмик и стал почему-то все рассказывать усопшей.

Если вам интересно узнать мое мнение о происходящем в этом мире, так вот что я вам скажу. Все, что должно случиться с вами, вашими родными, близкими или друзьями, – обяза-

тельно произойдет, именно так угодно судьбе. И какие бы планы вы ни строили на будущее, как бы вы ни старались – она способна все разрушить в одно мгновение, либо осчастливить тебя на долгие года. Изначально этот мир так устроен, и не нам с вами его менять или переделывать, а тем более роптать на судьбу.

Аккуратно протертые и высушенные быстрыми официантами нарядные столики ресторанов уже блестели чистотой. Первые утренние клиенты начинают потихонечку удобно располагаться в полукреслах на террасах, сонно читая меню. Вдали белела Триумфальная арка, окруженная своими ста гранитными тумбами в честь правления Наполеона.

Я попросил у официанта чашечку кофе и апельсинового сока, присев за свободный столик, и с любопытством стал рассматривать лица окружающих меня людей, стараясь угадать, кто и откуда приехал. Старые почтенные люксембуржцы, уплетающие розовый сомон, обильно поливая его выжатым лимоном, три друга американца с огромными бокалами пива, спорящие, очевидно, об архитектуре, поминутно упоминая имя барона Османа, бизнесмен из Африки в белом расшитом крестиками на шее балахоне, пьющий чай с очень молодой супругой, которая беспрестанно поглядывает на свои новые часы, очевидно только купленные в дорогом бутике, немцы с коньяком, русские с коктейлем, одинокий француз с вином. Разглядывая всю эту разношерстную публику, я не заметил, как за соседним столиком прямо передо мной очутилась очаровательная особа, если не юная девушка, то скорее бутон нераскрывшегося цветка, готовый в любой момент взорваться прекрасной гортензией, тот возраст, когда женщина способна делать глупости. Девушка пила коктейль и безучастно смотрела по сторонам.

Семена маленькими шажками, неизвестно откуда взявшись, появился знакомый старик. Проходя мимо нее, он стукнул костяшкой указательного пальца по столу и отправился к ближайшему столику просить какую-то мелочь. Бросив пронзительный взгляд на его удаляющуюся фигуру, она встряхнула копной кудрявых волос и посмотрела на меня огромными серыми глазами. Наши взгляды встретились, я улыбнулся, она, капризно скривив губы, отвернулась в сторону, разглядывая что-то в глубине бара. Ее овальное, чуть бледное лицо, обрамленное золотистыми локонами, напоминало обличие римской статуи, густые ресницы, бросающие тень на глаза, светящиеся темно-серым светом, чуть крупный, но правильный нос завершал эту прекрасную гармонию миловидной барышни. Как хороша эта чертовка, пронеслось у меня в голове.

– Mademoiselle, могу ли я вам что-нибудь предложить выпить?

– Можете, если оставите меня в покое! – не поворачивая головы.

– Вы всегда так строги с незнакомыми? – не отставал я.

– Не всегда, но жутко не люблю, когда начинают приставать с глупыми вопросами – мы где-то встречались? а говорил ли вам кто-то?..

– Ну почему, я могу задать и умный вопрос.

– Например? – с интересом обернувшись в мою сторону. – Хотелось бы услышать наконец.

– Как вы относитесь к теореме Пифагора, например, – съязвил я, теряя всякую надежду на успех. К моему удивлению, это ее развеселило.

– Одна из основополагающих теорем евклидовой геометрии, устанавливающая соотношение между сторонами прямоугольного треугольника: сумма квадратов длин катетов равна квадрату длины гипотенузы. А вы?

Опешив от такого ответа, мне сразу показалось, что я самый глупый человек на этом свете и напрасно ввязался в разговор с такой умной особой.

– А я вообще-то положительно отношусь – проямлил я. Раздался заразительный грудной смех, развеселивший и меня вслед за ней.

Вновь неизвестно откуда выплыл старик, он посмотрел на меня в упор, я машинально потянул руку в карман за мелочью, прекрасная незнакомка быстро бросила на старика еще один пронзительный взгляд, и тот, развернувшись всем своим маленьким телом, пошел к выходу.

– Кофе!

– Простите, не понял.

– Я хочу кофе! – кокетливо приказала она. – Я с удовольствием выпила бы чашку кофе, – поправилась она теперь уже с улыбкой.

– Ах да, извините, не понял! *Garçon, un café s'il vous plait!*

Официант в темном фартуке с дежурной улыбкой на губах не заставил себя долго ждать, через пару минут белая чашечка с коричневой жидкостью внутри, отдавая кофейным ароматом, стояла перед ней.

– Вы говорите с легким акцентом, вы выходец из Восточной Европы?

– Сегодня уже второй человек меня спрашивает об этом, пора что-то делать с моим акцентом.

– Зачем, чтобы быть как все, так неинтересно!

Официант, принеся кофе, улыбаясь, вскоре удалился, оставив под блюдцем чек, а я тем временем, набравшись наглости, пересел к ее столику.

– Готов съесть кусок этой скатерти, вы учитель геометрии, – сказал я.

– Ешьте, не угадали, – засмеялась она. Я сделал вид, что собираюсь жевать скатерть, поднося бахрому ко рту. – Перестаньте! – воскликнула она. – Там полно микробов! – И мы снова засмеялись.

Солнце было в зените, полдень. Время, как оно быстро, когда ты рад или счастлив, и как оно медлит, когда ты одинок и несчастлив, какая несправедливость.

– Эдуард, меня звать Эдуард, можно Эдди, так зовут меня мои друзья, а вас?

– Стефания, можно Стеф.

Допив кофе и оставив мелочь на столике, она грациозно встала и, смеясь глазами, торжественно подала мне руку, прошептав:

– Прощай, Эдди.

– Уже! А можно я вас провожу, Стефания? – вскакивая с места.

– Мне недалеко, совсем рядом.

– И мне в ту сторону – не отставал я

Первый раз за все это время, что мне показалось, будто путь от арки до обелиска оказался слишком коротким. Болтая о том о сем и ни о чем, я много шутил и, кажется, произвел на нее впечатление, по крайней мере, мне тогда так показалось. Но странная вещь – меня упорно не покидало чувство, что кто-то за нами следит, я даже пару раз оборачивался, но в этом бурном потоке беспечных людей, идущих вокруг нас, не было никого, кто мог бы вызвать хоть малейшее подозрение.

– Ну вот мы и пришли, – объявила она.

– Вот мой телефон, Стефания, позвони, если захочешь поболтать.

– О кей, – сказала она и взяла мою визитку.

– Поцелуемся на прощанье, – обнаглев вконец, попросил я.

Она по-детски подставила щечку, поцелуй получился неуклюжий и звонкий, мы оба рассмеялись. Последний раз я взглянул в ее глаза – о, сколько там было света, тепла и уюта! Легкой походкой, мягко ступая, как дикая кошка, она плавно сбежала в пасть метро и сразу же растворилась в толпе снующих горожан.

Я был пьян без водки и без рома, улицы этого вмиг преобразившегося мегаполиса, теперь уже чудного города, стали неузнаваемы. Из серого, пыльного он стал большим и элегантным, цветным, мифически грациозным, даже водосточные трубы мне показались длинными сказоч-

ными драконами, спускавшимися по огромным стенным скалам домов. Люди, которые еще час назад были просто прохожими, превратились в жителей сказочных городов, в своих экстравагантных одеяниях они шли и улыбались мне, эмигранту без семьи, без рода, брошенному всеми и вся, в чужой стране.

Устремляясь сакральным золотом ввысь, на площади Согласия торчал Обелиск. Странное все-таки место выбрали для него люди – установить символ единения солнца и земли там, где когда-то была плаха, да, именно здесь под острым лезвием гильотины, в лужах крови, летели на доски постамента непокорные режиму головы. И все-таки что-то космическое есть в Обелиске, его прямоугольные формы, его стремление ввысь, словно взлетающая ракета. Откуда у древних такая фантазия, такой странный замысел, ведь как минимум ему около трех тысяч лет. А может, все-таки были контакты с инопланетянами у землян в те времена, в частности у египтян? Земля – это там, где смерть и жизнь (истинно говорю вам: если пшеничное зерно, пав на землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода. От Иоанна). Всем своим видом похожий на ракету, взлетающую ввысь, он напоминает нам о дороге к новой неизведанной жизни.

А может, обелиск – это путь в космос, способ общения древних со своими богами или прием энергии со вселенной, маяк для пришельцев с других планет, солнечные часы для жрецов – невероятно, сколько гипотез и загадок таит в себе этот цельный кусок базальта в двадцать три метра.

Дни шли за днями, часы за часами, секунды превращались в минуты, и никто не звонил. Я прокручивал в голове каждое сказанное слово, каждый жест, взгляд, искал ошибку, может, я не то сказал, не то сделал. Даже не знаю, что мне больше хотелось тогда – любви или женского тела. Ведь я ее совсем не знал. Просто девушка из кафе.

Когда я прихожу домой и ложусь в холодную постель, каждый раз меня начинают одолевать различные страхи. Нет, конечно, я далеко не трус по своей натуре. Все было в моей не столь долгой жизни – война с танковой атакой, голод, холод, смерть вокруг, и отовсюду я выходил победителем, свидетельство тому – я жив, может, не совсем здоров, но жив. Это другой страх, он не фронтальный, его не видно, он бьет тебе в спину. Неуверенность, неизвестность, боязнь оказаться в безвыходной ситуации, остаться без работы, прожить оставшуюся жизнь в полном одиночестве – все это начинает лезть в голову каждый раз, как я закрываю глаза в надежде уснуть. Потом долго лежу с открытыми глазами и не могу заснуть, встаю, зажигаю сигарету, сажусь за стол, покрытый старой клеенчатой скатертью, прожженной в нескольких местах горящим пеплом, и мысли снова меня уносят назад в воспоминания, словно время остановилось для меня где-то там, в прошлом, а настоящего нет и нет. И тут ты говоришь сам себе stop, уже далеко за полночь, хватить думать о разной ерунде в прошлом, тебе завтра на работу.

В последнее время с работой стало тяжело, вот уже три месяца, как я ее потерял. Трикотажные фабрики после прихода к власти Жака Ширака закрывались одна за другой. Третий месяц каждое утро я делал обход в Сантье у армян и евреев, прося работу, но ответ был один и тот же: приди на следующей неделе, может, что-нибудь придумаем. Работал я в то время модельером-резчиком, клал только что сотканые полотна тканей из соседнего цеха одно на другое и вырезал автоматическим ножом рукава, спинку, воротничок и отдавал на шитье этажом выше. Зарплата была низкая, но жить было можно, половина уходила за квартплату, часть на еду, ну а остальное на выпивку. Трикотажники в районе Сантье ребята лихие, почти все вооружены, несмотря на строгий запрет носить оружие при себе со стороны закона. Восемьдесят процентов денег, что крутятся там, это чистый нал, приезжают затовариваться туда со всей Европы, увозят целыми тюками. Но в последнее время стало происходить что-то непонятное, всем патронам вдруг показалось, что зарплаты слишком высокие для рабочих, много налогов да и вообще надо производить в Китае, без головной боли. Люди сотнями оказывались в один день безработными, маленькие заводишки закрывались один за другим. Надвигался большой

кризис, в народе шептались между собой о трудностях, которые их ожидают, о росте цен, о преступности, о популярности «Национального фронта» и его бессменном лидере Жан-Мари Ле Пене. Ходили упорные слухи среди эмигрантов, что всех иностранцев скоро попрут из страны, а работы вообще не будет. И среди всей этой смуты и паники, когда надо было держаться – тише воды ниже травы, произошел неприятный случай, из-за которого я потерял работу.

Обычный рабочий день, клиенты нетерпеливо толпились внизу, в приемной, черные мешки с готовыми свитерами загружались в машины, готовые сорваться и мчаться неизвестно в какую глушь страны, лишь бы вовремя доставить товар по назначению. Рабочие таскали тюки с тканями вниз-вверх по этажам, кто-то пел, кто-то звал кого-то, строчили бесконечные воротнички, соединенные между собой тонкой нитью, швеи китаянки, вьетнамки, лаоски.

В это сложное для всех нас время произошло событие, которое поменяло мою монотонную жизнь совсем не в лучшую сторону. Как-то я пришел в цех и начал складывать отрезки готовой материи на моем огромном столе, готовясь начать резку, как в проеме двери показалась долговязая фигура Жан-Мишеля.

– Эй! Эдди, патрон хочет тебя видеть, – сверля меня своими рыбьими глазами.

– Ты не в курсе, зачем я ему понадобился?

– Там узнаешь, – не без злорадства добавил он, дергая левой бровью.

Мои отношения с Жан-Мишелем оставляли желать лучшего, сказать, что мы недолюбливали друг друга – это все равно что ничего не сказать. В принципе, его никто не любил, но никто и не выказывал своего недовольства, а наоборот, разговаривали с ним заискивающе покорно в отличие от меня. Он был человеком патрона, его личным шпионом.

Когда кто-то тебя критикует, старается сказать тебе, что нибудь обидное, говорит тебе, будто ты всё делаешь не так, ты ничего не понимаешь. Такой человек хочет опустить тебя до своего уровня, потому что он видит в тебе луч света, которого нет у него, и от этого ему становится страшно, он видит в тебя угрозу для себя.

Попробовав пару раз наехать на меня, но получив решительный отпор, он как бы притих, но на самом деле затаил черную ненависть и ждал момента, чтоб отомстить. Страх потерять работу пробудил в этих людях жестокий инстинкт самосохранения, который мог подтолкнуть человека к самым низменным поступкам, как донос, озлобление, секс с лаоской в обмен на благосклонность...

Мы шли по длинному коридору, заваленному по бокам разным хламом в виде кусков материи, воротничков, рукавов, я чувствовал злорадный взгляд и постную улыбку мне в спину, предвкушая бесплатное представление у шефа.

– Привет, Эдди, как дела идут? – как всегда бодро спросил он.

– Да вроде неплохо, патрон.

– Да, я знаю, Жан мне докладывал о твоих успехах, – сказал он и начал тереть двумя пальцами у виска, имитируя массаж.

– Заказ для Карла насколько готов?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.